

Михаил Коряков

Освобождение души

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М69

М69 **Михаил Коряков**
Освобождение души / Михаил Коряков – М.: Книга по Требованию, 2024. –
368 с.

ISBN 978-5-458-42251-2

Автобиографическая повесть офицера советской армии, не вернувшегося в СССР после второй мировой войны. В серии внутренне связанных очерков автор воспроизводит этапы своего духовного освобождения, приведшего его на Запад. Писатель Михаил Михайлович Коряков (1911-1977) – капитан Красной армии, историк, публицист, литературный критик.

ISBN 978-5-458-42251-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ными и мучился в бессилии остановить зверства — обо всем этом рассказал с простотою и живостью, иногда со страшной убедительностью в книге «Почему я не возвращаюсь в СССР».

Все та-же сила, что вошла в него после Нестерова, влекла дальше, на Запад, на Запад. Из Саксонии он пробрался в Париж — в той-же жажде по-новому и духовно понять, принять жизнь. В таком-то примерно, состоянии и встретился он с нами — и другими русскими нашего настроения. Тут довольно скоро и стало ясно, что ему в Красной армии не усидеть.

Так оно и случилось. Он все дальше и дальше отходил — не от *России*, а от правящей в ней силы. У него слагалось мистическое чувство: он не зря в некоем потоке стремится на дальний Запад — ему назначено принести с собой истинную Россию, прославить ее и рассказать Западу правду о несправедливой лже-России, возглавляемой безбожием.

Он ушел от советов и бежал в Америку.

**

Сейчас много появляется «книг-материалов» о России. Некоторые из них (Кравченко) очень шумели, проникли в широчайшую публику и многое разоблачили. Но — во внешнем плане. Это политика, борьба, ничего духовного. Коряков пишет иначе. Я говорил уже об его первой книге. Вторая, сейчас предлагаемая, есть продолжение и дополнение первой—написана в том-же духе. В ней та-же живость и образительность, природный дар автора. Отличные зарисовки народной солдатской России, попытка показать «советского человека», изобразить противоречия жизни советской («Бархатный сезон») и мрак насильственных мер в деревне («Весной на Кубани»). Но это не есть просто «разоблачение», критика в политическом плане: автор всегда метит выше.

В очерке «16 ноября» он возвращается к ранним своим, начальным переживаниям религиозным еще в России. — Критическая минута войны: немцы под самой Москвой, автор, в саперном батальоне, находится на передовых позициях у древнего Волоколамского монастыря... — святыни которого ему предстоит взрывать. Вот он опять, как перед Нестеровым, лицом к лицу с древним благочестием России, погибающим в схватке противоположных безбожий. Это новая рана души. Но и новый призыв к борьбе за возрождение *свободной* Родины — в свете высших духовных ценностей, в духе уважения к самоценному человеку: из чего и вытечет, сама собой, правильная политика социальная — не возвращение вспять, а разумная и человеколюбивая защита слабого от сильного, угнетаемого от угнетающего.

Даже для нас, русских, корнями уходящих в родную землю, в писаниях Корякова о России многое ново и утешительно — утешителен даже просто факт, что живая русская душа существует и тяготеет не к одним «комячейкам», но и к горнему.

Иностранцам же, кому Россия совсем мало понятна, иногда чужда и страшна, книга должна дать хороший материал для более глубоких и сложных суждений о Родине нашей. Дай Бог, чтобы через нее западный читатель ясней ощутил и слабое в ней и сильное, уяснил бы себе, что теперешняя Россия, при всех уклонах ее и падениях, не есть просто безликая и бездушная сила роботов. Все гораздо сложнее. Есть живое ядро, ищущее правды, света. Идет борьба. «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Наше сердце — с живой Россией, пусть сейчас и подпольной. Ее посланцу, ставящему себе цель благородную и высокую — помоги Бог.

Бор. Зайцев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОД МОСКВОЙ

КУРСАНТЫ

Вы не бывали в Болшеве, что под Москвой, по Северной дороге? В июле, облитые зноем первых летних дней, хорошо пахнут там сосновые леса. Только отшумели весенние дожди, в земле еще бродят соки, деревья не запылились, трава не успела состариться. Все молодо, свежо и вместе с тем по-летнему зрело, и воздух напоен густым и сладким, отстоявшимся ароматом нагретой смолы. Ничего бы не надо — только лечь под сосной на песок, усыпанный желтой хвоей, положить голову на корневище, выпирающее из земли, и слушать, как скрипят прямые и высокие деревья и смотреть в синие просветы меж верхушек, как над лесом, над покойным, казалось бы, и незыблемым миром проходят, свиваясь и развиваясь, белые полные летние облака.

Ничего бы другого не надо, только этого то как-раз нам и не дано. Мы — казенные люди, а не сами по себе, и не лежать нам без дум и забот под сосенкой, а стоять в солдатской шеренге. Вот и стоим всем взводом на опушке леса и вместо того, чтобы смотреть и радоваться на серых желтогрудых пташек, что низко порхают, гоняясь одна за другой, стоим и тупо смотрим на лейтенанта — молоденького, шустрого и рыжего, как лесной костер — на то, как он прыгает, машет винтовкой перед пучком соломы, привязанным между двумя тычками, и то прокалывая его штыком, то ударяя прикладом, показывает нам приемы рукопашной схватки.

— Посмотреть со стороны... — лейтенант остановился и конопатое его лицо стало еще шире от улыбки — ... хитрое ли дело ткнуть штыком? А вот, попробуй-ка. На все своя наука!

Придерживая сгибом локтя приставленную к ноге винтовку, он снял фуражку и отер ладонью пот с клеенчатой подкладки. Волосы, как ни чесала их зубьями алюминиевая расческа, стояли дыбом, будто недобрая чья то рука при рождении лейтенанта насыпала в них кирпичной пыли.

— Военная поговорка говорит: без мата штыковому бою не научишься. Точно! Сперва и у меня не выходило, и материл меня командир не хуже, чем я вас. И косолапый я, и косорукий, и человека из тебя не станет... Врешь, думаю, станет! Рота после обеда на мертвый час, а я к штыку. Сколько я матов штыком перепорол! Старшина за голову схватился: «Из-за тебя, кричит, перерасход соломы». Какой соломы то, спрашиваю. Пшеничной или ржаной? Поедем ко мне на деревню — двадцать возов накладу.

В глазах лейтенанта теплилась смешливая хитреца. Он привирал: пшеница не росла на полях, окружавших деревню Рамушки. Деревенька эта, прилепленная к высокому правому берегу Волги, чуть ниже Твери, отвеча кормилась черным хлебом. В ржаном хлебе скрыта великая сила: мужики в Рамушках были рослые, бородатые. Они ворочали валуны на пашне, корчевали пни. Целина голубела льнами. Лен был в цене: по осени в Твери гудела ярмарка, наезжали мазы-перекупщики. Мазы работали для разных фирм: русских, французских, бельгийских, немецких, английских и, конкурируя, набивали цену. Возвращаясь из города, мужики везли в телегах пахнущие дегтем кожи, полусалки и ситчик в мелких нарядных цветочках, а еще белых булок, соленой рыбы. Но лейтенант опоздал к той жизни: он был «ровесник Октября», попал в ли-

хие годы. Не то, чтобы побаловаться белой булкой, часом не сыскать было и черного, посыпанного крупной солью ломтя. Бабы собирали зеленый мох: сушили, перетирали, пекли лепешки. А какая в лепешках сила? Оттого лейтенант и не вышел ростом: на всю жизнь остался низеньким, щуплым, тонконогим.

В тридцатом году Россия котлом кипела: шла сплошная коллективизация. Водоворот захватил и тихие, неприметные Рамушки. Там тоже появился человек, у которого кроме скрипучей кожаной тужурки не было ничего: ни кола, ни двора, ни даже фамилии. Вместо имени-фамилии назывался он длинным номером: «двадцатипятитысячник». Кожаная тужурка образовала в Рамушках колхоз: чтобы никто не имел своего двора, а все были при общем деле — при казне, не индивидуями, а номерами. Выяснилось, что для общего дела Рамушки представляют особенное значение: они вырабатывали лен. Лен шел на самолеты, считался военной продукцией. Больше льна, как можно больше! Посевы ржи и овса сократились: сеяли лен по льну. Изнурялась земля, тощала деревня. Хлеба не хватало, лен не давал дохода: военную продукцию свозили на казенные заводы.

— Помрем, — сказал отец Никитке Заваруеву, которому в те годы сравнялось пятнадцать лет. — Видишь, как тянут соки, разве ж выдюжить? Положим, мы с матерью свое отжили. А ты, искал бы ты какую другую дорогу, что ли. Хозяйства нету, не при чем тебе в деревне оставаться. Иди в Тверь, а то и до самой Москвы подавайся. Поймаешь удачу — твоя, не поймаешь — хуже, чем тут, не будет.

В Твери Никитка не задержался: набирали рабочую силу в столицу. Москва превратилась в строительную площадку: тысячи людей ковыряли ее ломами, дырявили автоматическими сверлами, вгрызались в нее эскаваторами. В скверах, посреди разрытых газонов,

воздвигались копры, грохотали лебедки. На улицах стало не протолкаться от брезентовых комбинезонов, широких резиновых сапог, шахтерских шляп... — армия строителей московского метрополитена. Эта армия взорвала храм Христа-Спасителя, разломала Страстной монастырь, снесла Сухареву башню и стены Китай-города, вырубил тополя на Первой Мещанской улице. Метростроевцы ходили по Москве, как оккупанты: кучками, с громкими разговорами. К ним то и прилепился Никитка Заваруев.

На Метрострое люди быстро мастерили карьеру. Одни шли по технической части: осваивали щитовую проходку туннелей, компрессорные установки, мраморное и мозаичное дело. Другие выдвигались по политической линии: передовая стройка требовала большого количества партийных секретарей, комсомольских организаторов, пропагандистов, клубных работников. Никитке Заваруеву посчастливилось лучше всех: он стал на военную стезю. Метростроевцы считались передовым отрядом московского пролетариата, и было задумано — лучшими ударниками укрепить военные школы. Никитка поймал удачу.

Для техники Никитке не хватало грамоты, политика его не привлекала, а для военной карьеры он имел все. Не беда, что шуплый, сухоростый: на поле боя даже лучше, любая кочка спрячет. Он был ловок, проворен: на турнике, на параллельных брусьях выделял такие фортели, что поражался сам преподаватель физкультуры, окончивший институт имени Лесгафта в Ленинграде. По штыковому бою никто с ним не мог равняться. В его руках ~~малая саперная~~ лопата превращалась в грозное оружие: он учил нас, как надо действовать ею в рукопашной схватке, как рубить наотмашь головы. В деревне он обгрывал парнишек в бабки — меткость пригодилась и в училище. Пули у него не ходили за молоком, а ложились одна к другой в черное

яблочко. Три года учился Никитка — про Рамушки не вспоминал. Жизнь деревенская не налаживалась нигде: на Украине мужики побросали плуги и отвернулись от колхозной пашни, оставили ее зарастать бурьяном; на Кубани ждали белого экспедиционного корпуса... — деревенская лихорадка не приставала к Никитке. Ничего он и знать не хотел — только военное дело. Жил и учился со стиснутыми зубами: «Рота на мертвый час, а я — к штыку!» Цепко он ухватился за свою удачу, и она вознесла его, наградила. В конце трех лет он увидел себя командиром. Даже перепрыгнул через одну ступеньку: за дисциплину, отчетливость в службе его аттестовали полным, а не младшим лейтенантом, дали в петлички не по-одному «кубарю», а сразу по-два.

В мае 1941 года лейтенант Н. П. Заваруев поехал в Рамушки на побывку. В подмосковных деревнях и в старину бывало, что дотошный парень уходил в столицу и, глядишь, уже горланил в торговом ларю в Охотном, либо стоял лихачем-извозчиком у Славянского базара. Из столицы такой приезжал в тоненьких сапожках, картузе с лаковым козырьком, выходил на улицу, подтянув ремнем к плечу гармонь, и — деревенским парням на зависть — оделял девок брошками, ленточками, вел перед народом городские, немужицкие разговоры. Отшумели большие годы, перерыли и перестроили Москву, от Охотного ряда осталось одно название, но, в своем существе, изменилась ли жизнь? Только военной формой разнился наш лейтенант от торгового парня. В Рамушках он щеголял малиновыми квадратиками на черных петличках, обшитых золотой крученой канителью, желтыми скрипучими ремнями, перекинутыми крест-на-крест через плечи, тонкими хромовыми сапогами, тугие голенища которых он щегольски сгонял гармошкой вниз.

Вытянув из кармана носовой платочек, лейтенант еще раз отер фуражку, смахнул пыль с широкого ко-

зырька, поправил на черном околыше красную звездочку.

— Без мата штыковому бою не научишься, — повторил он. — А почему? Кто ответит? Курсант Юхнов, вы!

— Автоматизм...

— Точно! В рукопашной схватке главное — автоматизм. Мой отец на турецком фронте пять раз ходил в штыковую атаку, и я его — вот недавно, когда ездил в Рамушки — спрашивал: — Ну, как оно там было, в окопах? Каким манером ты всаживал штык, как ударял прикладом? А он... что он ответил? — Ничего, говорит, не помню, а кто помнит и о том рассказывает — врет. Точно подмечено! В бою надо действовать автоматически. Так изучить приемы боя, чтобы голова про них забыла, а руки помнили. Что для этого требуется, курсант Юхнов?

— Упражнения, товарищ лейтенант.

— Бесперывные упражнения, точно!

На голову, напоминавшую дерево в пламенах осенней листвы, легла фуражка. Лейтенант положил винтовку на траву и отошел от соломенного мата в сторону.

— Курсант Юхнов, выйти из строя! Прделайте мне упражнение номер один — прием короткого укола.

Из шеренги выступил высокий и грузный мужчина. Жалким, смешным он выглядел в военной форме. Пилотка растопорщилась, распялилась на голой, круглой, как глобус, голове. Перетянутое грубым солдатским ремнем, выпирало брюхо, набрякшее за сорок лет жизни.

Озорная вспышка озарила лицо лейтенанта.

— До войны вы были художником, Юхнов? Говорят, вы в письмах к жене рисуете на самого себя карикатуры. Это правда?